

AE

N

ТО

СОЛЕНОЕ

МОРЕ

ПРЫЖОК С МОЛА

«Бдымс!» — грохнула входная дверь, дом покачулся, к шуму и грохоту добавились дикие крики:

— Паразитство! С-сушки соленые!

Я встал и, спотыкаясь, вышел из комнаты. Все мои уже маячили в коридоре, заспанные, помятые, нечесанные. Минда, старшая сестра, сумела открыть только один глаз. Папа, судя по его виду, пока не решил, вылупился он уже из одеяла или еще нет.

— Стучали, — громко сказала Крёлле.

— Это чего было? — спросил Магнус, мой старший брат.

— Или природный катаклизм, или Лена Лид вернулась наконец домой, — объяснила мама.

Оказался не катаклизм. Спустившись на первый этаж, я увидел, что в прихожей топчется Лена — мой лучший друг и соседка.

— Привет, Трилле, — сказала она с печальным вздохом.

— Привет. А это что?

— Твой подарок.

Я протер глаза.

— Спасибо. Как называется?

— Куча щепок и осколков. А раньше назывался бутылка с парусником внутри.

Лена была ужасно несчастная.

— А склеить нельзя?

Склеить?! Да что за глупости я говорю?! Это была самая красивая вещь на свете! О склеить и речи нет!

— Я вообще не знаю, как они его туда запихнули, Трилле. Парусник стоял внутри в полный рост и был гораздо шире горлышка.

Мама помогла нам справиться с кораблекрушением. Она хотела сразу выбросить обломки, но я сложил их в банку от мороженого и унес в комнату. Все-таки подарок.

Лена села с нами завтракать. Мне пришлось несколько раз оглядеть ее подробно и внимательно. Она постриглась и вплела в волосы какие-то длинные разноцветные фенечки. Загорела.

Я чувствовал себя слишком каким был, даже шорты с тем же пятном, что до ее отъезда. Сами мы в отпуск почти никогда не ездим. Во всяком случае, за границу. У нас хутор, хозяйство, дела. А Лене вышла везуха, она целых две недели жарилась на Крите с ма-

мой и Исаком. И пила смузи с воткнутым в стакан («вот так, смотри!») китайским зонтиком, пока я жевал свои вечные бутерброды с паштетом. И спала под одной простыней. И купалась в теплом море. Там была сотня мелких лавочек, в них тыщи разных крутых штук, все Лене по карману. Вот вроде моей бутылки с парусником. На обед она каждый день ела картошку фри. А днем на Крите такая жара, будто прямо под боком жгут костер, как на Ивана Купалу.

— Тебе надо самому туда съездить, Трилле!

— Угу, — кивнул я и стал молчать дальше.

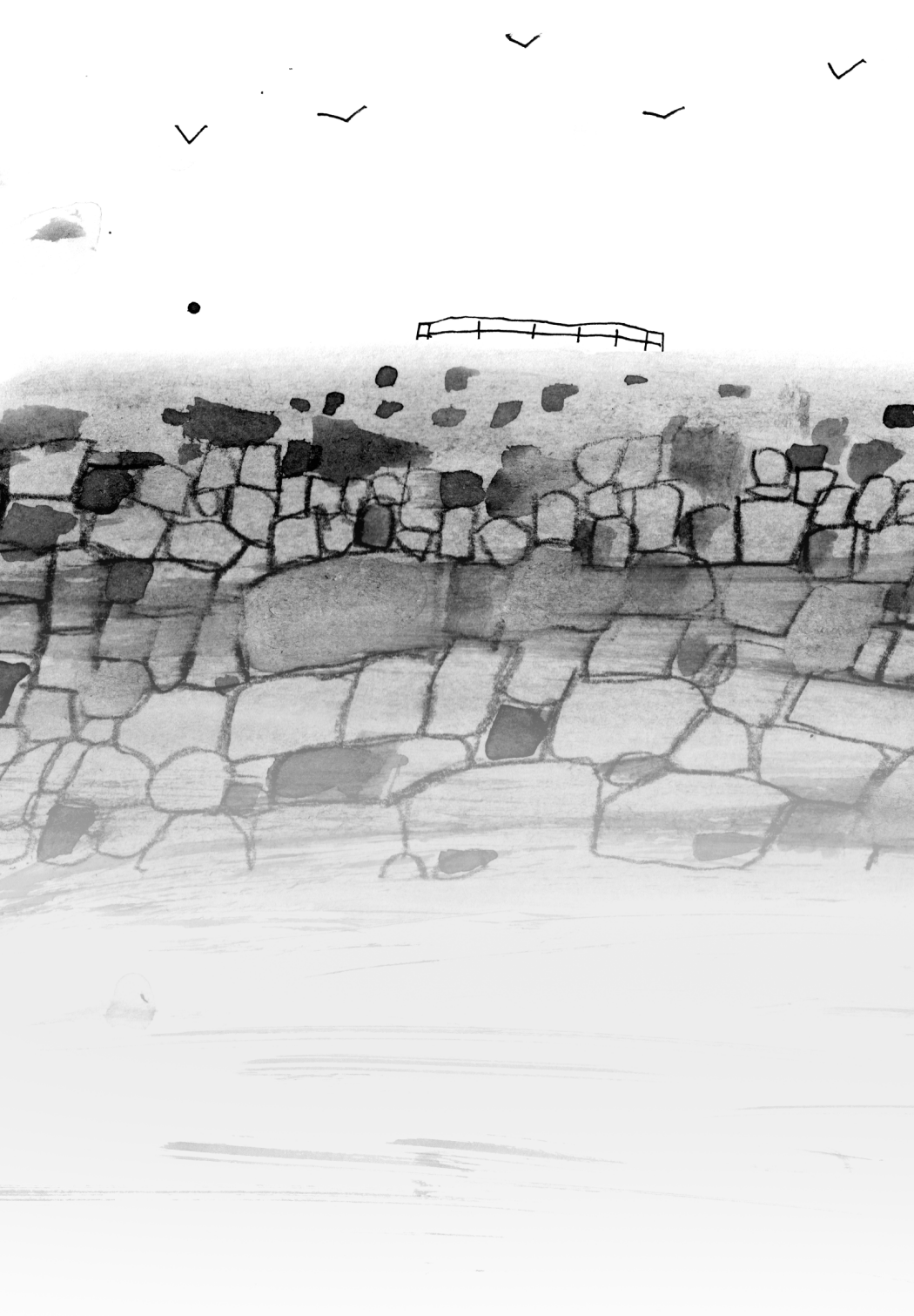
Досадно ни разу в жизни не съездить на юг, но мне тоже было чем похвалиться. И я ждал, когда наконец Лена спросит, что новенького у нас здесь, у старого моря. Но нет. На Крите еще была моторная лодка, в которой Лена переплыла на остров, а ее мама летела за лодкой на каком-то шаре.

— Я успела сказать, какая там жара, да?

Я кивнул, и Лена затараторила дальше о бездомной собаке Порто, скорее всего лишейной, и о двух девочках, с которыми она там познакомилась (они трусихи и не умеют балансировать на краю), и о том, что на завтрак давали блинчиков сколько хочешь.

В конце концов мне надоело ждать.

— Я прыгнул с самого верха мола.

Лена оборвала рассказ и посмотрела на меня, не веря.

— Врешь.

Я помотал головой.

Моя соседка встала из-за стола. Вид ее говорил: не поверю, пока не увижу своими глазами!

Это пожалуйста, иди любуйся.

— Спасибо за завтрак, — прошамкал я с полным ртом и стянул свое полотенце с лестничных перил.

В Щепки-Матильды есть пляж, у мола в подмышке. Зимой туда надувает ветром много песка, и мы строим там замки и крепости. Но когда Лена уехала в отпуск, я стал ходить с Миндой, Магнусом и их друзьями на самый край мола. Там высоко, глубоко и холодно — короче, там совсем другая жизнь.

В прыжках с чего-нибудь Лена круче всех в Щепки-Матильды. У нее меньше дрожи в коленках, чем у всех остальных вместе взятых. (Или меньше мозгов в башке, как утверждает Магнус.) Но с мола Лена не прыгала никогда. Она плохо плавает.

— Лену бросать в море — все равно что якорь, — говорит дед.

Так что это чистой воды сенсация, что я могу прыгнуть, откуда Лена не может. И такая сенсация ей глубоко противна, это я сразу понял.

И вот я стою на самом верхнем камне мола. Ранняя рань, воздух шестнадцать градусов.

— Ты уверен, что у тебя психика выдержит? — серьезно спрашивает Лена. Она прислонилась к соседнему камню и кутается в парео с Крита и куртку.

Я киваю. Я много раз нырял отсюда, пока Лены не было. Но всегда в прилив, в высокую воду. А сейчас как раз отлив, и расстояние до воды стало гораздо больше. И дно видно.

Ветер раздувает купальные шорты. На миг приходит предательская мысль: Трилле, может, не надо? Но тут я вижу прикинувшую к камню Лену. Она стоит и не верит в меня. Я закрываю глаза и делаю вдох. Раз, два, три!

«Бултыхсссс!» — я врезался в воду, «свур-слиш» — она закрутилась воронкой и сомкнулась у меня над головой.

Когда я первый раз ухнул на глубину, то решил, что утонул. Но теперь я знаю, что надо просто задержать дыхание и быстро-быстро молотить ногами по воде.

— Фуф! — выдохнул я, прорвав пленку воды и вернувшись в летнее утро.

Лена забралась на прыжковый камень и недоверчиво смотрела на меня. Я победно улыбнулся. То-то, Лена, получи и распишись!

Не успел я так подумать, как Лена шагнула одной ногой вперед, хлопнула себя по щеке и завопила:

— Ой-ой-о-о-о-о-о-о-о-ой!

Пролетела по воздуху прямо в джинсах, свитере, куртке, парео и кроссовках и — бултыхссссс! — вошла в воду.

Сиганув с мола в море, Лена вернулась домой из отпуска. Какие там смузи с зонтиками, если ты только что едва не утонул в Щепки-Матильды!

Лены не было бесконечно долго. Наконец она вынырнула — и тут же с громким «сву-ур» снова ушла под воду. Если бы в это время не подоспел дед с багром, не знаю, чем бы дело кончилось. Он выудил ее на берег как большую рыбину. Лена оглушительно кашляла и отфыркивалась.

— Я по правде на минутку утонула, — сказала Лена. — И увидела вдали огромный яркий свет.

Мы уже выпили по две чашки обжигающего какао по рецепту Исака, а Лену все еще трясло, как газонокосилку на холостом ходу.

— Пфуф, — фыркнул я. — Нельзя умереть и дальше жить. Ты просто увидела солнце, оно так выглядит из-под воды.

— Не твое дело, и не умничай! А море в Щепки-Матильды как кола со льдом. Народ с Крита помер бы от купания в нашем море!

Я промолчал. Мы-то сами тут с рождения купаемся.

— Ну ладно, — сказала Лена, — с мола я прыгнула, больше в жизни не стану. Все, здесь у меня уже галочка поставлена.

Вид у нее был очень довольный. Она запрокинула голову и сцедила в рот последние капли какао.

НОВОСЕЛЫ НА ХУТОРЕ ЮНА-С-ГОРЫ

Услышав о нашем купании, мама выдала нам обоим по огромному ведру.

— Если люди доросли до прыжков с мола, с них больше спрос по хозяйству. Чтоб не возвращались, пока не наберете черники по верхнюю кромочку! — скомандовала она.

Лена в ужасе уставилась на ведро.

— Я не из твоей семьи, Кари.

— Вот как? Мне напомнить тебе об этом, когда у нас будут блины с черничным вареньем, а ты как раз окажешься в гостях? — спросила мама.

Я видел, что у Лены вертится на языке ответ. Но даже Лена не решается спорить с моей мамой в последнее время. Та что-то лютует хуже школьных директрис из прошлой жизни. Магнус за глаза называет ее Диктатором. А Лена говорит, что ничего удивительного. Ситуация в семействе Даниельсен Уттергорд полностью вышла из-под контроля, говорит Лена. Минда и Магнус чуть что хлопают дверью, того гляди дом раз-

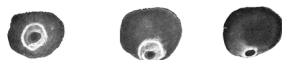
валится. Крёлле с утра до ночи падает всем на голову и чего-то требует, хоть надевай шлем с наушниками.

— А ты вообще как пыльный лютик, весь в своих мечтах, а нет бы тарелку за собой помыть. Конечно, Кари приходится закручивать гайки. Жалко только, что под санкции попадают невинные люди, которые ничего плохого не сделали, просто живут в соседнем доме.

Одно Лену радует — что лично у нее есть своя собственная семья, где можно расслабиться в мирных условиях.

С тех пор как они с мамой обрели Исака, жизнь в их доме потекла тихо и спокойно. Он ходит вечно растрепанный и никогда не сердится. Я думаю, он потому такой невозмутимый, что работает доктором. Привык иметь дело с болезнями и драмами, поэтому жить с Леной для него стресс среднего уровня.

Иногда Лена называет его папой, но говорит это скороговоркой и смущаясь, как будто боится, что он растворится без следа, если услышит.

Пока мы дошли до черничника за хутором Юнас-горы, озноб от холодного купания дошел до точки невозврата.